

Что если бы?...

5 апреля 1963 года американская «Нью-Йорк Таймс» сообщила: по Москве ползут слухи о скорой отставке Хрущева и наследовании власти Козловым. Сейчас уже никто не припомнит, на чем базировались умозаключения американского корреспондента, возможно, он что-то прослышал или просто все высосал из пальца. Подобные слухи возникали и раньше. Логически рассуждая, его выдумка совсем не так уж и невероятна.

Надеюсь, читатель не забыл, как «свергнув» Кириченко, Козлов начал свое стремительное возвышение. С июля 1960 года он официально ведет Секретариаты ЦК. Теперь Фрол Романович «завоевал» право замещать отца во время его отсутствия в председательском кресле Президиума ЦК.

9 января 1963 года, уезжая в Берлин, отец для проформы полуспросил: «На время моего отсутствия товарищу Козлову поручить вести вопросы. Так?» Никто не возразил и не удивился. К особому положению Козлова все уже привыкли.

– Хорошо. Никто другой не покусится? – пошутил отец.

– Нет, – отозвался Микоян. Еще четыре-пять лет назад отец оставлял за себя Микояна. Прошедшие с тех пор перемены, естественно, последнему не нравились. Он обижался, ревновал, но поделать ничего не мог. Именно поэтому Анастас Иванович и поспешил сейчас высказаться первым. Не только отец, но и остальные члены Президиума ЦК знали, что за чувства Микоян испытывает к Козлову.

– Почему ты все первым говоришь? – под общий смех присутствующих отшутился отец, стараясь сгладить создавшуюся неловкость.

Микоян промолчал. В 1960 году Микоян ставил на Кириченко и проиграл. Все знали, что Анастас Иванович ненавидит Козлова, знал это и Козлов. Теперь же Микоян всеми способами старался завоевать его благосклонность, но пока безрезультатно.

В начале 1963 года признаки возвышения Козлова над «рядовыми» членами Президиума ЦК стали видны невооруженным взглядом. В отличие от сталинского времени, в официальных сообщениях фамилии членов Президиума ЦК располагались в алфавитном порядке, а не по ранжиру значимости, но кто есть кто вычислялось без особого труда.

22 февраля «Правда» информировала о пленуме Целинного крайкома партии, подготовке к посевной и замене старого, провалившего прошлогоднюю уборку урожая партийного секретаря на нового. В заключение следовала фраза о том, что на пленуме присутствовал товарищ Козлов и выступил с пространной речью. Казалось бы, ничего необычного, кроме месторасположения и размера сообщения рядовой информации о пленуме крайкома: вместо стандартных пяти строчек в разделе «Партийная жизнь», «Правда» отвела ему престижный левый верхний угол на второй странице почти в четверть листа. Осведомленные в «кремлевском церемониале» читатели не оставили это без внимания.

3 марта газеты сообщили, что товарищи Хрущев и Козлов накануне слушали в Большом театре «Травиату» Джузеппе Верди. Ничего особенного, отец часто ходил в театры с семьей, о чем газеты не сообщали, и всем Президиумом ЦК с оповещением в прессе. А вот так вдвоем с Козловым...

Вскоре я заметил, что Фрол Романович стал держаться по отношению к отцу чуть независимее. В Москве тех лет такие нюансы значили очень много. Козлов все чаще брал на себя решение конкретных вопросов, контролировал исполнение, был собран и четок, не нуждался в мелочной опеке. То, что он порой возражал, спорил, скорее вызывало у отца уважение, чем раздражало. Без спора, без борьбы мнений работать становится не только скучнее, но и труднее. Бесконечное согласное кивание, смиренно опущенные долу или наоборот, восторженно пожирающие глаза и надоедают, и настораживают.

В прошедшие годы в Президиуме ЦК один Микоян не во всем соглашался с отцом. Теперь к нему прибавился Козлов. Возникновение «оппозиции» отцу в глубине души даже нравилось. Тем более что «оппозиционеры» придерживались несовпадающих точек зрения. Микоян слыл опытным, осторожным политиком. Козлов – администратор, практик. Пусть грубоватый, но хорошо знающий жизнь, умеющий, где надо, нажать, прикрикнуть. В политике Козлов отражал взгляды правых, но до поры до времени открыто не высказывался. Предпочитал аппаратные штампы: «есть мнение», «не надо забегать вперед» или поосторожнее – «не искривлять линию».

Формировалась ли в 1962–1963 годах реальная группировка, угрожавшая власти отца? Мне трудно ответить определенно. Какое-то недовольство теми или другими конкретными решениями существовало всегда. Но одно дело недовольство и сопровождавшие его анекдоты, а совсем другое, когда в аморфной среде начинает выкристаллизовываться ядро, готовое действовать. Лично я в существовании такого ядра сомневаюсь. Но мое мнение немногого стоит, политической кухней я не то чтобы не интересовался, конечно интересовался, но туда меня просто не допускали. Знал я немногим более московского корреспондента «Нью-Йорк Таймс», оба мы вынуждены были довольствоваться нюансами, разве что он извне, а я – изнутри.

А вот люди, участвовавшие во власти и оставившие воспоминания, считают иначе. На засилье «козловщины» в те годы жалуется недавний член Президиума ЦК Нуритдин Мухитдинов. Он считает, что Фрол Романович за спиной отца прибирал к своим рукам все больше властных полномочий.

«На XXII съезде партии Хрущев, по совету Козлова, не включил группу Игнатова, Аристова и Фурцеву в Президиум ЦК, – вторит ему Микоян. – Я поддержал его предложение, хотя и жалел Фурцеву. Но она была целиком с ними. Аристов же – неподходящий человек с большими претензиями».

Звучит не очень убедительно, я уже описал, как «игнатовцев» отставляли от власти, и не в октябре 1961 года, а до Козлова, в мае 1960-го. На XXII съезде их отставку всего лишь документально оформили. И Козлов тут ни при чем. Приведенная выше фраза – еще одно подтверждение противостояния Микояна – Козлова.

Далее Микоян добавляет, что «цель Козлова была свести Хрущева на чисто показную роль, все решать без него, за его спиной».

Но и эти слова совсем не свидетельствуют о наличии заговора, говорят лишь об амбициях Козлова в преломлении его недоброжелателя Микояна, отодвинутого Козловым на второй план.

Мухитдинов идет чуть дальше, он рассказывает, как после XXII съезда партии (непонятно, когда конкретно) Козлов прошупывал его – тогда заместителя главы «Центросоюза», уже отставленного от высшей власти, на предмет смещения Хрущева. Мухитдинов пишет, как однажды Козлов пригласил его прогуляться по улице Горького и, «начав издалека о том о

сем, перешел к конкретной теме: “Хозяин в последнее время себя неважно чувствует. Жалуются на здоровье. Не исключено, может подать в отставку”. Он ждал моей реакции».

Мухитдинов промолчал.

«Ну а если выдвинуть меня?» – задал Козлов прямой вопрос.

Мухитдинов ответил, что он будет думать, но, по его мнению, Козлову не следует рассчитывать на всеобщую поддержку, ему доверили в ЦК кадры и он, воспользовавшись властью, сменил более половины номенклатуры... «занялся избиением кадров».

Действительно, многие из обкомовских начальников лишились своих кабинетов, но смещал их не Козлов, а отец. Я уже писал об этом. Конечно, не исключено, что зло они таили и на Козлова – исполнителя воли Хрущева. Мне вся эта история не представляется убедительной. С какой стати Козлову разговаривать на такую щекотливую тему с заместителем председателя «Центросоюза», фигурой в советском табеле о рангах даже не третьей-степенной? Скорее всего, Мухитдинов решил таким образом задним числом свести счеты с нелюбимым им Козловым. Но дыма без огня не бывает, возможно, они где-то о чем-то и говорили. Кто знает?

Может быть, Козлов и присматривался к «шапке Мономаха» и даже примеривал ее втихую, но означает ли это нечто большее? Или он просто ожидал, что отец, как он не раз говорил в открытую, сам передаст ему власть?

А вот мои собственные воспоминания о поведении Козлова.

11 мая 1963 года вынесли смертный приговор английскому шпиону, перевербованному разведчику полковнику Олегу Пеньковскому. В скандал оказались втянутыми два крупных военачальника, оба так или иначе связанные с отцом: главнокомандующий ракетными войсками и артиллерией, главный маршал артиллерии Сергей Сергеевич Варенцов и начальник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба генерал армии Иван Александрович Серов, в недавнем прошлом Председатель КГБ. Варенцов рекомендовал Пеньковского на службу в ГРУ. Он же периодически делился с ним некоторыми служебными новостями. Естественно, секретными. В иной ситуации ничего особо предосудительного в этом не было, оба они служили в армии на высоких должностях. Серову вменяли в вину не только то, что он не разглядел в Пеньковском потенциального предателя, но и проявил к нему особое расположение. Но хуже всего то, что жена и дочь Серова вместе с Пеньковским незадолго до его ареста оказались в Великобритании. Женщины поехали как туристы, а Пеньковский в служебную командировку. Посещение капиталистической страны вызывало тогда определенную робость, и Серов, вспомнив, что его подчиненный собирается в Лондон, попросил Пеньковского приглядеть за женой и дочерью, помочь им в случае надобности. Пеньковский с радостью исполнил поручение, показал достопримечательности, сводил своих подопечных в магазин. Теперь все рисовалось в ином свете, Серова и Пеньковского кто-то пытался выставить чуть не соучастниками.

Отец не был склонен применять к провинившимся военным серьезные меры. Он считал, что они и так наказаны произошедшим, а у Пеньковского на лбу не написано, что он завербовался к англичанам и американцам. Отец склонялся применить административные взыскания.

Козлов считал иначе и настроился чрезвычайно решительно. Истинная подоплека его поведения остается загадкой. Не мог смириться с тем, что Серов и Варенцов не разглядели предателя? Сомнительно... Он порой смотрел сквозь пальцы и на куда более явные грешки. Тогда что? Стремился одним ударом выбить из игры преданных отцу военачальников? Зачем? Можно, конечно, дать волю фантазии. Но никакими фактами я не располагаю.

В конце февраля – начале марта 1963 года, незадолго до суда над Пеньковским, Козлов по своей инициативе в выходной позвонил отцу на дачу и попросил о встрече. Отец с охотой согласился. Через четверть часа Фрол Романович приехал к нам, его дача располагалась

неподалеку. Отец встретил Козлова приветливо, предложил пройтись. До появления гостя мы гуляли вдвоем, и я остался в компании.

Козлов, то и дело искоса поглядывая на меня, стал убеждать отца в том, что Пеньковский скомпрометировал и Варенцова, и Серова. Он не просто служил в их ведомствах, но втерся в их дома. Ходил в гости к Варенцову, оказывал услуги семье Серова. Тогда-то я и услышал о злосчастных лондонских магазинах. Козлов возводил все это чуть ли не в ранг государственного преступления. Отец угрюмо молчал, затем не очень уверенно попытался возразить, но Козлов проявил настойчивость.

При окончании разговора я не присутствовал, отец попросил оставить их наедине. Примерно через час Козлов уехал. Обедать его отец не пригласил. Мы продолжили прерванную неожиданным визитом прогулку. Отец хмурился, даже по сторонам не глядел, шел, уставившись себе под ноги. Молчали мы минут десять. Наконец отец заговорил. Он сказал, что, по словам Козлова, все, он не назвал фамилий, настаивают на строгой ответственности Варенцова и Серова.

– Возможно, они и правы, – проговорил отец с сомнением, – жаль, особенно Варенцова.

– И что же? – спросил я.

– Разжалуем и отправим в отставку, – с досадой закончил отец. Все свидетельствовало, что отец против воли поддался Козлову.

12 марта Президиум Верховного Совета СССР «за потерю бдительности и недостойное поведение» лишил Варенцова звания Героя Советского Союза и разжаловал из маршалов в генерал-майоры. Не лучше обошлись и с Серовым, его тоже перевели из генералов армии в генерал-майоры, тоже отобрали звезду Героя и сослали дослуживать до пенсии в Туркестанский военный округ помощником командующего по военно-учебным заведениям. 22 июня 1963 года Пленум ЦК единогласно вывел их обоих из своего состава.

Можно ли и это происшествие квалифицировать как формирование оппозиции отцу? Сейчас уже не определить. Следов не осталось. Отец же продолжал относиться к Козлову с полным доверием. Более того, он все отчетливее видел в нем своего преемника и не скрывал этого. Хотя и не обходилось без размолвок, порой весьма острых.

В тот год в Москве снова много спорили о Югославии. Наступившее в 1955 году краткое потепление, осенью 1956-го, как ушат холодной воды, остудили танки на улицах Будапешта. Время постепенно залечивало раны. К 1963 году отношения вновь становились все более дружественными. Московским ортодоксам это не нравилось.

Приближалось 1 Мая. В 1963 году, как и в предшествующие годы, за пару недель до праздника публиковались призывы ЦК КПСС. Первые страницы центральных газет заполнялись набранными крупным шрифтом обращениями к рабочим и работницам, военнослужащим и интеллигенции, странам, народам и континентам. В них тщательно выверялось каждое слово. Отвечали за содержание призывов соответствующие отделы ЦК. Они их и составляли, вернее, переписывали из прошлогодних газет, переносили из прошлого в будущее, слегка подновляя на потребу дня. Отца эти пустопорожние начетнические игры не увлекали, и он с облегчением поручил контроль за публикацией призывов Суслову. Суслов же в оперативных делах «замыкался» на Козлова, особенно в периоды отсутствия отца в Москве. Но это не означало, что отец не следил за тем, что напечатано. Сам он газетную страницу, забитую приевшимися лозунгами, не осиливал, но помощники докладывали ему обо всем достойном внимания.

В апреле отец отдыхал в Пицунде. Я поехал с ним. Дополнительный двухнедельный отдых зимой или весной стал для отца регулярным. Годы брали свое. На этом настаивали врачи. Их рекомендации закрепили в специальном решении Президиуме ЦК. Там говорилось еще и об укороченном рабочем дне, но этой привилегией отец так и не воспользовался, а к дополнительному отпуску привык. Вдали от московской суеты лучше думалось. Послед-

нее время его мысли все больше занимала Конституция. В тот апрель отец работал над материалами Редакционной комиссии, я же наслаждался недельным отдыхом, солнцем и морем, сидел рядом с ним на пляже и не очень вслушивался в разговоры.

Призывы опубликовали 8 апреля. Вслед за разделом внутренней политики следовал международный. Скрупулезно приветствовались одна за другой все союзные нам страны: «Братский привет народам... строящим социализм!» Страны третьего мира призывались к дружбе, а их народы к борьбе за социализм. Тут имела принципиальная разница: раз народ борется за социализм, значит, есть с кем бороться, с властями предрержащими.

Югославия не попадала ни в одну из категорий. Газета «Правда» призывала: «Братский привет трудящимся Федеративной Народной Республики Югославии! Пусть развивается и крепнет дружба и сотрудничество советских и югославских народов в интересах борьбы за мир и социализм!»

Вот тогда-то я и стал невольным свидетелем стычки отца с Козловым. Газеты только что принесли. В Пицунду их доставляли к исходу дня. Отец, мельком скользнув взглядом по первой странице, собрался было знакомиться с публикациями на следующих страницах, но помощник привлек его внимание к злосчастному лозунгу. Отец вчитался в указанную строчку и взъярился: опять вытаскивали из небытия «молотовские» измышления: строит Югославия социализм или нет. Еще в 1955 году, на основании заключения ученых-экономистов, решили, что строит, и вот те на, снова-здорово.

Менее недели тому назад, 3 апреля 1963 года, здесь в Пицунде, он целый день проговорил с главой югославских профсоюзов Светозаром Вукмановичем-Темпо, человеком очень близким к Тито. На прощание отец сказал Темпо, что хотел бы посмотреть на югославские достижения своими глазами, не торопясь, без фанфар и протокола, сопровождающих официальные визиты. К примеру, если товарищ Тито согласился, он, в счет своего летнего отпуска, мог бы приехать, и не один, а с семьей, остановился бы где-либо в гостинице и, пока дети и внуки наслаждались бы Адриатическим морем, он сам бы поездил по предприятиям, поговорил с людьми. Разобрался бы в роли рабочих советов на предприятиях. Для него это тоже отдых, но активный и с пользой для дела. До некоторой степени это обращение носило формально-протокольный характер, по существу они, как помнит читатель, обо всем договорились с Тито еще в прошлом декабре в Киеве. Вукманович в свою очередь заверил, что югославские народы, Тито с удовольствием предоставят свое гостеприимство товарищу Хрущеву и всем тем, кого он решит взять с собой. Жить им в гостинице не придется, их встретят по высшему разряду. По возвращении в Белград он немедленно доложит о разговоре товарищу Тито. А там останется только назначить дату.

Я уже говорил, что Козлов не принадлежал к сторонникам Либермана. Совнархозы ему виделись под строгим контролем центра, таким, который теперь наконец начал реализовываться с появлением ВСНХ во главе с Устиновым. А тут поедет отец в Югославию, насмотрится там всякого и по возвращении, не дай бог, снова затеет перемены. Так что, возможно, за формулировкой первомайского призыва скрывался не чистый догматизм идеологов.

Отец прекрасно понимал, какой нежелательный резонанс вызовет в Белграде злосчастный «призыв». Там внимательно следят за всеми нюансами московской политики, а отказ признать Югославию социалистической – это уже не нюанс. Да еще после его встреч один на один с Тито и разговора с Вукмановичем-Темпо! Отец их уверил, что хочет разобраться с достижениями югославской социалистической экономики, а теперь оказывается, что никакого социализма в Югославии вообще не существует. Отец потребовал немедленно соединить его с Козловым. Аппарат правительственной междугородной связи (ВЧ) стоял тут же на тумбочке под тентом.

Едва поздоровавшись, отец начал упрекать Козлова за недогляд. Но тот, видимо, не принял упрека. С его точки зрения, написанное объективно отвечало югославским реалиям.

Отец накричал на Козлова, обвинил его в самоуправстве: ведь есть официальное решение ЦК, подтверждающее факт социалистических основ в народном хозяйстве Югославии. Никто не имеет права его единолично пересматривать. Он потребовал дать поправку, и чем скорее, тем лучше, пока неверная оценка не разошлась по миру.

Изменение формулировки уже опубликованного призыва ЦК – по тем временам беспрецедентный случай. В ЦК быстро распространился слух об объяснении Козлова с отцом. Скорее всего, он сам поделился обидой с единомышленниками. В кулуарах судачили о том, как несправедливо резко отец обошелся с Козловым, сочувственно перешептывались.

Козлов разволновался не на шутку, но послушаться отца он не посмел, передал идеологам приказ переписать первомайские призывы. На сочинение нового лозунга ушло три дня, 11 апреля в «Правде» появилась поправка, разъяснявшая, что призыв нужно читать в новой редакции: «Братский привет трудящимся Социалистической Федеративной Республики Югославии, строящим социализм! Да здравствует вечная, нерушимая дружба и сотрудничество между советским и югославским народами!»

Так уж получилось, что за «югославский социализм» Козлов заплатил жизнью. Развязка оказалась трагической: 11 апреля или в ночь на 11 апреля, Козлова разбил тяжелейший инсульт. Еще 10 апреля Козлов присутствовал как почетный гость на 2-м Всесоюзном съезде художников, а 12 апреля он, член Президиума ЦК, вместе с отцом отвечавший за оборонку и космос, не появился на заседании в честь Дня космонавтики. И больше никогда на людях не появится.

Отец искренне переживал, он лишился своей «правой руки». К тому же, он ощущал себя виноватым за происшедшее: не расшумись он на Козлова из-за Югославии, может быть, все бы и обошлось.

В мае – начале июня, когда Козлов немного пришел в себя и вернулся из больницы в свою загородную резиденцию, отец поехал его навестить. Был выходной день, наша семья, как обычно, проводила его на даче, и он захватил с собой меня. Козлов часто бывал у нас дома, и наши семьи хорошо знали друг друга. Миновав стандартные зеленые ворота, машина остановилась у подъезда. Встретила нас жена Фрола Романовича и еще какие-то люди. Прошли в дом. Кровать установили посередине комнаты так, чтобы сестрам было удобнее ухаживать за больным. У стены стоял столик с лекарствами, стерилизатором, шприцами. Козлов полулежал на подушках, бледное лицо отсвечивало желтизной, от бывшего уверенного в себе здоровяка осталась одна тень. Когда мы вошли, он узнал отца, начал размахивать руками, попытался сдвинуться с места, заговорить, но речь была бессвязной. Впечатление он производил удручающее. Отец постоял возле него некоторое время, пытался ободрить, шутил в своей манере, что Козлов, мол, отдыхает, симулирует, пора выздоравливать – и на работу.

Прощавшись, мы прошли в соседнюю комнату. Там собрались врачи. Нам объяснили, что непосредственной опасности для жизни Фрола Романовича нет, но до выздоровления пройдет еще много месяцев. Пока же он вообще неадекватен к окружающему миру. И когда станет адекватен и станет ли, один Бог ведает. Особо удручало врачей, что у больного развился, как они сказали, «сексуальный синдром», он крайне возбуждался при виде женщин, если ему удавалось, пытался хватать их за интимные места. Когда медсестры делали ему уколы, приходилось прибегать к силе, держать его за руки и за ноги. Подобное поведение у перенесших инсульт не редкость, оно свидетельствует о глубине поражения головного мозга. Я вспомнил, что пока мы с отцом стояли у кровати больного, медсестры обходили его по стеночке и глядели на Козлова с неприязнью.

Однако отец не терял надежды.

– Работать сможет? – спросил тогда отец.

Приговор медиков был единодушным: безусловно, нет. Он останется полным инвалидом. К тому же, сильное волнение может привести к новому приступу и к смерти. Рассчитывать на Козлова не приходилось...

Отец запомнил предостережение медиков о том, что нервный стресс может оказаться пагубным для больного. И поэтому на ближайшем заседании Президиума ЦК, когда речь зашла о судьбе Козлова, он предложил оставить Фрола Романовича, несмотря на неизлечимую болезнь, на прежней должности. Никто не противился. Правда, решили секретную почту, «до полного выздоровления», Козлову не посылать. Сам он ее читать не в состоянии, и, кому она там может в руки попасть, неизвестно.

Так все тянулось до отставки отца. После него, на ближайшем Пленуме ЦК 16 ноября 1964 года Козлова из Президиума выкинули без всякого сожаления. Уж очень он им когда-то всем досадил своей требовательностью и жесткостью. Козлов потрясения не перенес. Как и предвещали врачи, произошел новый инсульт. Козлов умер 30 января 1965 года.

В 1990-е годы Рудольф Пихоя, тогда главный архивист страны, пустил слух о выступлении Фрола Романовича Козлова, якобы имевшем место на заседании Президиума ЦК 13 октября 1964 года, снимавшем отца. По мнению Пихои, Козлов первым предложил отрешить Хрущева от всех должностей. У меня его сообщение вызвало недоверие. Я своими глазами видел Козлова. Какой тут Президиум? Какое заседание? Но Пихоя тогда имел единоличный доступ к самым закрытым кремлевским документам, и я смирился. Но прав все-таки оказался я. Теперь, когда опубликованы записи Малина, сделанные на заседании Президиума ЦК 13 и 14 октября 1963 года, выяснилось, что Пихоя их читал невнимательно и напутал.

Козлова, естественно, там не было, это Геннадий Иванович Воронов пересказывает слова Фрола Романовича: «т. Козлов говорил: “В такие вопросы не лезь, их товарищ Хрущев ведет”». Больше на том заседании о Козлове не вспоминали».

Итак, после 11 апреля 1963 года пост второго секретаря и в значительной степени преемника отца неожиданно оказался вакантным. Козлова не любили, его боялись, ему завидовали, но на его власть никто не покушался и никто не готовился заменить его. В свое время уход со сцены Игнатова или Кириченко подпирали претенденты, готовые немедленно занять освободившееся место. Сейчас на «скамейке запасных» возник вакуум. Согласно формальной логике, право стать «вторым» принадлежало Микояну, и он всеми силами стремился к этому. Все прошлые годы он, старейший и опытнейший в окружении отца, интриговал против соратников-соперников, один за другим возвышавшихся во власти и затем исчезавших без следа. Он считал их выскочками, ненавидел их, а Козлова более всех остальных вместе взятых. И вот теперь дорога к власти расчистилась, оставалось только шагнуть и... Но шагнуть Микоян не решился. Формальная логика и логика власти подчиняются различным законам. Постоянно находившийся при власти, Микоян на самом деле самостоятельности во власти боялся, не любил принимать ответственные решения. А какая без этого власть?

Со своей стороны, отец ценил, но не переоценивал Микояна, использовал его в переговорах, где требовалось терпение и изворотливость, но не принятие решения, привык с ним первым делиться пришедшими на ум идеями, опробывал их на Анастасе Ивановиче, внимательно выслушивал его замечания и особенно возражения, а вот учесть их или проигнорировать, решал сам.

По своему складу Микоян – типичный «ученый армянин при губернаторе». Хитрый, изворотливый, умный, возможно, хитрее, изворотливее, умнее самого «губернатора». Такой наперсник для настоящего «губернатора» просто клад. С другой стороны, подобный человек не представляет угрозы, он органически неспособен стать «губернатором» и никогда им не станет. Если же станет, то значит – это совсем другой человек и другая история, к нам отношения не имеющая. Без «армянина», даже самого умного, губернатор останется губернатором, а вот без своего «губернатора» «ученый армянин» становится просто армя-

нином. Микоян все это понимал лучше кого-либо (на то он и «ученый армянин») и безропотно исполнял свою роль при Сталине. Исполнял бы при Берии, с блеском развернулся при доверявшем ему Хрущеве, мог бы исполнить ее и при Козлове.

Звездный час Микояна настал при Хрущеве. Их тандем оказался чрезвычайно эффективным во внешней политике, в дипломатическом и силовом взаимодействии с основным соперником Советского Союза на мировой арене – Соединенными Штатами Америки. США, следуя собственной доктрине, стремились упрочить свое господство в мире. Хрущев, в соответствии со своей доктриной, у них это право оспаривал, теснил их, где мог и как мог. Естественно, постоянно возникали трения. Хрущев действовал жестко, порой доводил «температуру до кипения», а потом посылал Микояна «остужать» страсти. В результате вместе они добивались желаемого, не на все сто процентов, такого в реальной политике не случается, но получали много больше, чем могли дать рутинно-спокойные дипломатические переговоры.

Политика «управляемых кризисов» принесла свои плоды в начале 1960-х годов.

По разрешении Карибского кризиса США вынужденно, сквозь зубы признали СССР равной себе сверхдержавой. И принудил их к этому жесткий «губернатор» Хрущев и его «мягкостелюющий» переговорщик Микоян.

Теперь, после того как Козлов выбыл из игры, отцу, всерьез подумывавшему об отставке сразу по завершении последнего раунда реформ, приходилось начинать все сначала, вновь присматривать себе преемника, и желательно моложе. О Микояне он и не думал, знал ему цену, к тому же возраст... Анастас Иванович сам пенсионер, только на год моложе отца.

Выбрать оказалось очень непросто. В демократических государствах амбициозные политики сами предлагают себя, имеют возможность испробовать силы на всех ступенях выборных должностей. Пройдя в борьбе с конкурентами через сито естественного политического отбора, наиболее энергичные и ушлые (не обязательно наиболее достойные) достигают наивысшей власти, президентской или премьерской должности на какой-то ограниченный Конституцией срок. И затем все начинается сначала.

Российские монархические традиции отрицали демократию как таковую. Послереволюционная система власти причудливо соединила в себе монархическую пирамиду с зачатками народовластия. Власть более не наследовалась по крови и родству. Даже появление на общественном поприще жены первого лица в государстве, как в случае с Раисой Горбачевой, общественное мнение встретило в штыки. Члены высшего государственного синклита, Президиума или Политбюро ЦК КПСС, пробивались наверх за счет собственных талантов и изворотливости. Но решение о назначении их на высшие губернаторские (первых секретарей обкомов) или министерские посты, я уже не говорю о самых высоких ступенях иерархии, определялось не выборами, а целиком зависело от воли государя (в СССР от Первого или Генерального секретаря ЦК КПСС). Формальные выборы проводились неукоснительно, лишь формально проштамповывали его решение. Если назначение министров с губернаторами происходило по представлению соответствующего кадрового отдела ЦК, то кандидатуры членов Президиума (Политбюро) «Первый» отбирал лично сам и из кандидатов ему лично известных. А сколько их может удержать в памяти человек? Несколько десятков или несколько сотен? Даже отец, с его феноменальной памятью, вряд ли знал по именам более пятисот-шестисот человек – огромная цифра для индивидуума, но ничтожная для многомиллионной страны. А уж знание характера и способностей соратников ограничивались несколькими десятками, если не единицами. Вот и весь резерв власти. Он еще более сужался из-за свойственной человеку возможности ошибаться. В результате выбор в преемники «достойнейшего» становился более чем проблематичным.

Так уж сложилось в России, что к исходу политической карьеры и цари, от Петра I до Павла I, пока последний не узаконил процедуру наследования, озабочивались проблемой

преемника. Правда, выбрать его им удавалось далеко не всегда. Петр скорпостижно умер, не успев произнести заветное имя, завещание Екатерины II сразу после ее кончины сгорело в камине. Павла – так и вовсе убили. В новой советской России проблемы с «престолонаследием» остались прежними. Завещание Ленина после его смерти по традиции предали забвению. Сталин, в силу особенностей своего характера, предпочел наследника не называть. Учитывая многовековой печальный опыт, отец намеревался передать бразды правления при жизни. И вот теперь он никак не мог определиться, кого сделать вторым секретарем ЦК КПСС. Посоветоваться было не с кем. Эти мучительные сомнения, внутренняя потребность выговориться, видимо, и послужили причиной того, что мне довелось проникнуть в святая святых политической кухни, стать свидетелем колебаний отца.

Он никогда раньше, как я уже подчеркивал неоднократно, в разговорах в семье не касался кадровых вопросов. Взаимоотношения в руководстве были абсолютно запретной темой. Поэтому, когда отец вдруг заговорил о мучивших его сомнениях, я очень удивился. Дело происходило на даче в Горках-9 глубокой осенью 1963 года. Вечером вышли пройтись. Мы шли в свете фонарей по парадной асфальтированной дороге, ведущей от ворот к дому, как вдруг отец заговорил о ситуации в Президиуме ЦК. Насколько я помню, он пожалел, что Козлов не может вернуться на работу. Замены отец не находил, а ему самому уже пора думать об уходе на пенсию. «Дотяну до XXIII съезда партии и подам в отставку», – сказал он тогда. Я промолчал, его слова плохо укладывались в моем сознании. Потом отец стал говорить, что постарел, да и остальные члены Президиума ЦК – деды пенсионного возраста. Молодых почти нет. Отец стал членом Политбюро в сорок пять лет. Подходящий возраст для больших дел – есть силы, есть время впереди. А в шестьдесят уже о будущем не думаешь. Самое время внуков нянчить.

Он ломал голову над кандидатурой на место Козлова. Ведь в нашей стране одной политикой не обойдешься, надо знать и народное хозяйство, и оборону, и идеологию, а главное – в людях разбираться. Раньше отец очень рассчитывал на Шелепина. «Железный Шурик» казался самым подходящим кандидатом: молодой, прошел школу комсомола, поработал в ЦК. Правда, пока плохо ориентировался в хозяйственных делах. Все время просидел на бюрократических должностях. Отец рассчитывал, что он подучится, наберется опыта живой работы. Для этого предлагал ему пойти секретарем обкома в Ленинград: крупнейшая организация, современная промышленность, огромные революционные традиции. После такой школы можно занимать любой пост. Шелепин же неожиданно и резко отказался. Обиделся, посчитал за понижение смену кресла секретаря ЦК на пост секретаря Ленинградского обкома партии.

– Жаль, видно, переоценил я его, – посетовал отец. – Может, оно и к лучшему, ошибиться тут нельзя. А посидел бы несколько лет в Ленинграде, набил бы руку, и можно было бы его рекомендовать на место Козлова. А он так и остался бюрократом. Жизни не знает. Нет, Шелепин не подходит, хотя и жалко. Он самый молодой в Президиуме.

Отец, помню, тогда замолчал, задумался, а потом продолжал рассуждать о возможных преемниках Козлова. В частности, о Подгорном. Николай Викторович Подгорный – человек толковый, и в хозяйственных делах разбирается, и с людьми работать может. На Украине проявил себя. Опыт у него богатый, но кругозора не хватает. После перехода в ЦК никак не справляется с порученными вопросами, даже в пищевой промышленности. Словом, по мнению отца, на этот пост и он не годился.

И тут он заговорил о Брежнев, сказав, что у него огромный опыт, хозяйство и людей знает. Но, как считал отец, он слабо держит линию и чересчур поддается чужим влияниям и своим настроениям. Человеку с сильной волей ничего не стоит подчинить его себе. До войны, когда его назначили секретарем обкома в Днепропетровск, местные острословы окрестили его «балериной»: кто как хочет, тот так им и вертит. А на этом месте нужен креп-

кий человек, которого с пути не свернешь. Таков был Козлов. Нет, выходило, и Брежнев не годится.

Отец замолчал. Больше этот разговор не возобновлялся. Мы долго еще бродили по дорожке к дому и обратно, думая о своем. Отец, видимо, снова и снова перебирал в уме возможных кандидатов на пост второго секретаря ЦК.

Я же был подавлен его неожиданной откровенностью. Насколько тяжело и одиноко отцу, подумалось мне, если ему приходится откровенничать на эти темы со мной. Раньше такого не случалось. О разговоре я, естественно, никому не рассказал. Хотя отец меня не предупреждал, но я и не нуждался в подобных предупреждениях.

Отец размышлял о преемнике неотступно, постоянно перебирал в уме фамилии кандидатов, перебирал, но выбрать, остановиться на ком-то никак не мог.

Бывший французский премьер-министр Ги Молле рассказал журналистам,⁸³ что Хрущев при их встрече 29 октября 1963 года (тогда Ги Молле, вице-председатель Социалистического Интернационала, приезжал в Москву во главе делегации французских социалистов – С. Х.) своими гипотетическими преемниками вскользь назвал Брежнева, Подгорного, а также Полянского и Полякова. Не берусь судить, насколько слова Ги Молле соответствуют действительности, особенно в отношении Полякова. И вообще сомнительно, чтобы отец заговорил на столь щепетильную тему с иностранцами, зная, что завтра его слова появятся в прессе. Очень сомнительно.

Легко представить мое удивление, когда я узнал, что на место второго секретаря ЦК все-таки планируется Брежнев. Видимо, так и не нашлось у отца более подходящей кандидатуры. Впрочем, задавать ему какие-либо вопросы я не стал...

Лично мне Леонид Ильич был симпатичен. На лице его всегда играла благожелательная улыбка. На языке всегда занятная история. Всегда готов выслушать и помочь. Несколько удивляло меня его пристрастие к домино – уж очень не соответствовало такое хобби сложившемуся у меня образу государственного деятеля.

Однако сам Брежнев, как-то вовсе не обрадовался лестному предложению. Новый пост давал огромную власть, но он был... незаметен. Он уже побывал в шкуре секретаря ЦК, пусть и не второго, – там напряженная и изнурительная работа внутри разветвленного партийного организма, груз ответственности и необходимость принимать многочисленные решения. Требовалось взаимодействовать с обкомами, следить за работой в армии и... отвечать за провалы. Я уже писал, что с ЦК Леонид Ильич расстался в июле 1960 года без сожаления, ему больше подходила предложенная тогда представительская должность Председателя Верховного Совета СССР. Теперь всему этому наступал конец. Не то что отказаться, а даже выразить неудовлетворенность он не мог. Поблагодарил за оказанное доверие и обещал его оправдать.

21 июня 1963 года Пленум ЦК избрал Леонида Ильича своим секретарем, с сохранением, пока, поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Брежнев упросил отца оставить его в Верховном Совете, клялся, что потянет оба «воза». Леонид Ильич так уговаривал, что отец сдался, не захотел обижать своего будущего преемника. Правда, оговорил, что такое решение временное, Леонид Ильич скоро и сам поймет, что новая должность в ЦК требует полной его отдачи, и запросит «пощады».

2 декабря 1963 года тот же «всезнающий» корреспондент «Нью-Йорк Таймс» написал о Брежневe уже как о преемнике отца.

⁸³ Опубликовано в газете «Нью-Йорк Таймс» от 11 апреля 1964 года.